

Борис Грибанов

для
президента

Борис Грибанов

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ПОВЕСТЬ

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1984

ББК 84Р7,
Г82

Г 4702010200-103
068(02)-84 БЗВ № 13-2-83

© Воениздат, 1984

ОТ АВТОРА

Предлагаемая читателю повесть основана на подлинных фактах и документах. Зашифрованные записи полковника Лафайетта Бейкера были обнаружены американским историком-любителем Реем Неффом. Описание его находки и последующих исследований было впервые опубликовано в журнале «Сивил уор таймс» в августе 1961 года. Тексты всех этих документов приводятся по книге Дж. Коттрелла «Анатомия убийства» (Лондон, 1966).

Обстоятельства убийства президента Линкольна и последовавшие за ним события реконструированы на основании последних исследований американских ученых,

14 апреля 1865 года 16-й президент Соединенных Штатов Авраам Линкольн был застрелен в Вашингтоне актером Джоном Бутом. 26 апреля того же года убийца президента был настигнут в штате Виргиния военным отрядом. Несмотря на приказ взять убийцу живым, он был застрелен при невыясненных обстоятельствах.

Из учебника истории

22 ноября 1963 года 35-й президент Соединенных Штатов Джон Кеннеди был застрелен в городе Далласе. На следующий день в далласской тюрьме предполагаемый убийца Ли Освальд, находясь под строгой охраной, был застрелен Джеком Руби, известным своими связями с преступным миром.

Из газетных сообщений

У Соединенных Штатов самая кровавая и самая насыщенная насилием история из всех развитых стран.

ФИЛИП ТАФТ,
профессор истории университета в Буффало

Все началось с букинистического магазина Лэри. Билл Саундрелл любил заглядывать туда. Ему нравился этот старинный приземистый кирпичный дом, так упорно отстаивающий свое место в центре Филадельфии среди зажавших его высоченных гигантов, сверкающих стеклом и сталью. Да и

внутри, в самом магазине, все дышало стариной. Здесь не было ярких, слепящих ламп, крикливой рекламы. На стеллажах из темного дерева чинно стояли солидные книги, вокруг низких столиков располагались уютные кресла, сидя в которых так удобно перелистывать заинтересовавшее тебя издание. И посетители магазина Лэри были особые — тихие, немногословные, как правило, пожилые люди, истинные любители книги. И продавцы знали своих постоянных покупателей, знали их вкусы и что следует им предложить.

Здесь, у Лэри, Билл Саундрелл не раз задумывался, почему людей так тянет к прошлому, к старинным книгам, к старинным вещам. У кого-то из писателей он натолкнулся на понравившуюся ему мысль: человечество тоскует по своему прошлому.

Самому Саундреллу это смутное, но сильное чувство было хорошо знакомо. Оно владело им с детства. Потом уже, когда развернется вся эта история, Билл не раз будет вспоминать, что одной из первых книг, поразивших его детское воображение, была биография президента Линкольна, называвшаяся «От бревенчатой хижины до Белого дома». Может быть, именно тогда он понял, что единственное дело, которым он по-настоящему хочет заниматься в жизни, — это история.

Однако жизнь распорядилась иначе. Или, если уж говорить точнее, распорядился его отец. Но разве мог Билл хоть в чем-то винить отца, которого так нежно и безоглядно любил? Матери Билл не знал — она сбежала из дома с заезжим автогонщиком, когда мальчику не исполнилось и года. После этого отец больше не женился и всю доброту своего сердца отдал сыну. Он вынянчил Билла, сидел у его постели ночами, когда тот болел, и неизменно терпеливо отвечал на все детские вопросы. Они были самыми близкими друзьями, по-мужски откровенными друг с другом, заботливыми, верными товарищами.

В маленьком поселке на Далеком Западе, где они жили, отец владел аптекой. Впрочем, это была не простая аптека — ее можно назвать культурным центром сельской округи. Помимо лекарств тут продавались сладости, сигареты, дешевые книжки в ярких бумажных обложках. По вечерам сюда съезжались окрестные фермеры выпить чашечку кофе или бутылочку кока-колы, посмотреть по телевизору бейсбольный матч, поболтать, обменяться новостями и сплетнями.

Но все это считалось, так сказать, неизбежным приложением. Любимым же делом отца была фармацевтика. Он не очень доверял модным патентованным средствам, хотя по необходимости и торговал ими, и отдавал предпочтение старым

испытанным лекарствам, приготовляемым, как и века назад, простыми аптекарями. Он даже уверял, что аптекари гораздо нужнее людям, чем врачи.

Так или иначе, но отец хотел видеть своего сына только фармацевтом, и никем иным. И Билл Саундрелл подчинился желанию отца. Он поступил на химический факультет Пенсильванского университета — одного из самых старинных университетов Соединенных Штатов (даже в этом выборе сказалось его пристрастие к старине), окончил его с отличием и был оставлен на кафедре преподавателем. Человек серьезный, с сильно развитым чувством долга, если уж он брался за что-то, то делал это основательно. Потом отец умер, но Билл Саундрелл, считая, что менять профессию вроде бы поздно, продолжал добросовестно выполнять свои преподавательские обязанности.

Однако все свободное время Билл отдавал любимой истории. Сколько прекрасных часов провел он в букинистическом магазине Лэри, выискивая старинные труды по истории, сколько радости доставляла ему находка какой-нибудь пожелтевшей от времени мореходной карты. Фантазия разыгрывалась, он пускался в увлекательнейшие путешествия, исполненные опасных приключений, с любовными драмами, с поисками кладов. Впрочем, Билл Саундрелл стеснялся этих детских пристрастий. «Ты так и не вырос из коротких штанишек — типичный случай затянувшегося инфантилизма», — корил он себя и уж тем более не рассказывал об этом своим друзьям.

Вот и сегодня Билл Саундрелл рылся в новых поступлениях букинистического магазина Лэри. Ничего интересного не попадалось. Разве что английский военный журнал «Колбарн юнайтед сервис мэгэзин» за 1864 год. Билл с сомнением пролистал переплетенный каким-то любителем том, огорчился, что номера журнала только за вторую половину года — как истинный библиофил, он предпочитал иметь полные комплекты. Но Саундрелл не привык уходить отсюда с пустыми руками, и он решил купить эту подшивку, тем более что стоила она всего 50 центов.

Дома Билл небрежно бросил свою покупку на журнальный столик и погрузился в домашние заботы. Дело в том, что Саундрелл в свои тридцать два года все еще не был женат. Нельзя сказать, что он не нравился девушкам, как раз наоборот — у него было все, чтобы пользоваться успехом: хороший рост, спортивная фигура, приятное, чуть мальчишеское лицо, — да и он не обделял своим вниманием хорошеньких девиц. Но одно дело провести с какой-нибудь из них при-

ятный вечер и даже ночь, и совсем другое — жениться. Слишком близка была Биллу душевная драма, пережитая его отцом. И свои переживания детских лет тоже забыть не мог: у всех матери, а у него нет. Среди сверстников всегда находились те, что кричали ему вслед: «Твоя мать шлюха, она тебя бросила!»

Кроме того, Биллу просто нравилась холостяцкая жизнь. Он любил свою уютную квартирку в университетском городке, где среди зелени виднелись старинные кирпичные здания, теннисные корты, бассейн. Машинам сюда въезд был запрещен, и царившую обычно тишину оглашали лишь веселые голоса студентов. Университетский городок представлялся Биллу Саундреллу таким оазисом среди шумного, беспорядочного и плохо устроенного внешнего мира, а собственная квартирка — еще более тихой обителью в этом оазисе. Даже странно было подумать, что в его обители может поселиться какая-то женщина, со своими привычками, которая станет раскидывать на креслах платья или чулки, сбрасывать книги со столика или ставить на полки не в том порядке, который выработал их хозяин. А что касается домашней работы, то Билл привык к ней с детства и не видел в ней ничего зазорного. Более того, ему просто было приятно стоять у плиты и готовить какие-нибудь замысловатые блюда, а потом угощать ими друзей, нравилось вытирать пыль со своих книг. Словом, можно было бы сказать, что Билл Саундрелл представлял собой тип убежденного холостяка, если бы не определенные обстоятельства последнего времени, сильно пошатнувшие его убеждения на этот счет.

Покончив с домашними делами, Билл удобно расположился в любимом глубоком кресле, неторопливо, со вкусом раскурил трубку — это входило в ритуал — и принялся листать только что купленный журнал.

Журнал оказался малоинтересным, и Саундрелл, разочаровавшись, уже собирался было взяться за какую-нибудь другую книгу, как вдруг на одной из страниц его внимание привлекли цифры и буквы, написанные карандашом на полях. «А ведь это похоже на шифр!» — подумал Билл и стал внимательно исследовать страницу за страницей. Таинственные цифры и буквы оказались и на других листах. Чернила выцвели, да и почерк выглядел старомодным.

Саундрелл раскурил потухшую трубку и решил, чтобы успокоиться, сварить себе кофе.

Много ли найдется взрослых, в душе которых не жила бы затаившаяся с детства мечта о великой тайне, которую тебе удастся раскрыть? Мальчиком Билл множество раз перечи-

тывал рассказ Эдгара По «Золотой жук», в фантазиях своих представляя, как он тоже найдет старинный пергамент, где будет зашифровано место зарытых пиратами сокровищ. Став взрослым, с жадностью проглатывал сообщения о раскопках старинных храмов в джунглях Центральной Америки, гипотезы о следах, возможно оставленных на земле инопланетянами, подробности находки кумранских рукописей, сенсационные новости о найденных в глубинах морей испанских каравелл с грузом золота. История хранит столько загадок, в ней столько темных мест и нераскрытых тайн!

Билл посмеивался над собой, но мечта, мальчишеская мечта, что ему когда-нибудь повезет и он откроет одну из тайн истории и прославит свое имя, всегда жила в его душе. Рядом с именем великого Генриха Шлимана, который не был ни профессиональным археологом, ни историком, но с юных лет поставил перед собой фантастическую задачу: найти и раскопать гомеровскую Трою...

Кто знает, что содержат эти зашифрованные записи на полях старого журнала? Не станет же человек зашифровывать какую-нибудь ерунду! А если тайна? Одна из тех, о которых он мечтал с детства?

Билл, сдерживая волнение, склонился над журналом. Время остановилось для него, и весь мир сузился до размера журнальной страницы. Звонок в прихожей вернул его к действительности. На пороге стояли Стив Чейз и Джин Карри.

— Что тут происходит? — поинтересовалась Джин, разглядывая испещренные цифрами и буквами листки бумаги, которыми был завален весь стол.

— Я натолкнулся на загадочный шифр! — торжествующе объявил Билл.

Стив Чейз спокойно просмотрел подшивку журнала и все страницы, на которых имелись таинственные карандашные записи. Во всем, что делал Стив Чейз, чувствовалась обстоятельность. Рядом с порывистым, подтянутым Биллом Стив явно проигрывал. Был он ровесником Саундрелла, но выглядел значительно старше, видимо, оттого, что рано пополнил и начал лысеть. И все же Билл Саундрелл порой ловил себя на мысли, что завидует другу: Стив был историком! По мнению Билла, это достоинство могло с лихвой покрыть недостатки, куда более существенные, чем ранняя полнота и лысина. На историческом факультете, где работал Чейз, профессора возлагали на него большие надежды. Говорили о его остром аналитическом уме, широте кругозора, редком умении взглянуть на исторический факт с совершенно неожиданной точки зрения.

Помимо общей любви к истории Билла Саундрелла и Стива Чейза объединял, а может быть, в какой-то степени и разъединял интерес к присутствовавшему здесь третьему члену их компании — рыжеволосой и веснушчатой Джин Карри. Джин была уроженкой Нового Орлеана, там она училась в Луизианском университете, потом вдруг неожиданно бросила его и уехала в Филадельфию. Однажды у них зашел разговор о причинах этого переезда, но Джин, всегда такая веселая, тотчас замкнулась, дав понять, что этот разговор ей неприятен. Видимо, замешан какой-нибудь мужчина, решили ее друзья и с тех пор деликатно обходили эту тему.

Джин кончала юридический факультет, но мечтала стать писательницей. Стив Чейз, подтрунивая, утверждал, что из них троих он единственный серьезный человек, поскольку занимается именно тем делом, к которому его готовили, они же — фантазеры, готовые при первом удобном случае бросить свою профессию.

— Имей в виду, Джин, — как-то сказал он, — в этой комнате только я — человек положительный. Когда надумаешь выходить замуж, лучшего кандидата на должность мужа тебе не найти.

— Когда у меня возникнет такое безумное намерение, — засмеялась Джин, — выставь официально свою кандидатуру. Выбрать мужа не проще, чем выбрать президента. Вот и рассмотрим твою кандидатуру наряду с прочими, как положено в нашей свободной стране. Ты, кажется, демократ? Ну что ж, используй опыт своей партии...

— Тогда я наверняка не пройду, — уныло откликнулся Стив Чейз. — В закулисных интригах и сделках я окажусь лишним, меня вышвырнут раньше, чем начнется баллотировка.

Они шутливо препирались и по дороге к Биллу, но сейчас им было не до шуток. Эти непонятные цифры и буквы, написанные неизвестно когда и неизвестно кем, завораживали.

— Не иметь мне теперь покоя ни днем ни ночью, пока не разгадаю шифр, — вырвалась у Билла Саундрелла не то жалоба, не то клятва.

— Друг мой, — чуть снисходительно заметил Стив Чейз, — в любом деле нужно быть профессионалом. Любители обычно только путают картину. У меня на математическом факультете есть приятель, специалист по криптографии. Давай тебя с ним познакомлю, и мы попросим его заняться твоим шифром. Но я советую тебе не строить иллюзий. Ты сейчас думаешь: «Мне выпала удача. В этих записях скрыта великая тайна истории!» А потом окажется, что

некий любитель тайн зашифровывал список дам своего сердца или потаенные расходы, которые он хотел скрыть от бдительной супруги.

— Думать так — все равно что идти в бой с мыслью о неизбежном поражении, — запальчиво сказал Билл. — В таком случае поражение действительно неизбежно. Нет, что бы там ни было — расходы на любовниц или данные о космических пришельцах, — вперед! И мы победим! Я уверен, что нет таких исторических загадок, которые нельзя было бы разгадать. Нужно только дьявольское терпение и немножко везенья.

— Мне жаль огорчать тебя, Билл, но ты заблуждаешься. Поверь мне, профессиональному историку. История напихована загадками, как хорошая баранья нога чесночинками. И мы с удовольствием проглатываем эти чесночинки — они возбуждают наш аппетит, не более того. Загадки остаются загадками. Они лишь будоражат наше воображение. Впрочем, кое-кто получает от этого пользу. Историки, например, которые годами ковыряются в архивах в надежде откопать какой-нибудь документик, приоткрывающий завесу тайны, или досужие литераторы, сочиняющие собственные фантастические версии, ни на чем не основанные.

— Нет, старина, тысячу раз нет. Существует же наука история! А у древних муза истории — Клио?! Прости, что я об этом говорю тебе, историку.

— Милый мой идеалист, ты забываешь, что история не относится к числу точных наук. Неопровержимой и безупречной может быть только математическая или физическая формула. В твоей химии тоже есть точные формулы. И как бы древние ни изображали эту самую Клио, но мне она представляется портовой шлюхой, которую каждый употребляет как хочет.

— Знаешь, Стив, есть всему пределы, даже твоему цинизму!

— Может, пределы цинизму и есть, а вот тому безобразию, которое люди во все времена творили с историей, пределов нет. Что является единственным источником для историка? Только документ. А что такое документ? Всего лишь клочок бумаги. Его можно уничтожить, можно подделать. На худой конец — запрятать в государственных архивах с грифом «секретно», и тогда он становится недоступным для историков.

— Но ведь кроме документов остаются свидетельства очевидцев, — робко возразила Джин.

— Джин Карри, вы меня удивляете! — патетически вос-

кликнул Стив. — И еще готовитесь стать юристом! Чему вас учат? Нет на свете ничего более ненадежного, чем свидетели. Во-первых, никто не врёт с такой охотой, как очевидцы, — это широко известно. Во-вторых, свидетель — только человек, и, следовательно, его можно купить, запугать или — что всего надежнее — просто убить. Примеры? Не слишком ли поспешно стали один за другим покидать наш бранный мир неугодные свидетели, которые были хоть как-то связаны с убийством президента Кеннеди?

При этих словах Джин вдруг зябко передернула плечами, порывисто встала и отошла к окну. Наблюдательному Стиву Чейзу показалось даже, что она побледнела, от чего ее милые веснушки как будто еще ярче засветились на лице. Он хотел было спросить ее, не стало ли ей прохладно, но тут же резонно решил, что тогда незачем подходить к открытому окну.

А Билл, увлеченный спором и ничего не заметивший, продолжал атаковать Стива вопросами.

— Ты хочешь сказать, — допытывался он, — что подлинная история убийства Кеннеди так никогда и не будет раскрыта?

— Нет, почему же, — отозвался Стив. — Я не могу это утверждать. Я просто уверен в том, что организаторы заговора — а они, конечно, люди могущественные — сделали все, чтобы уничтожить следы преступления. Убит президент — и тотчас застрелен в тюрьме Ли Освальд, обвиняемый в убийстве. Весь мир в недоумении: как Джек Руби, известный своими связями с преступным миром, оказался рядом с Освальдом в тюрьме, куда и мышь без пропуска не проникнет? Весь мир задает вопрос: зачем один из полицейских сразу после выстрела Руби усердно массировал живот Освальду? Не для того ли, чтобы на все сто процентов обеспечить внутреннее кровоизлияние, а значит, и скорейший смертельный исход?

— Да, пример хоть куда, — сказал Билл. — Все концы в воду!

— Кто знает! Жизнь преподносит большие сюрпризы. Есть и другие примеры. Все, казалось бы, сделано, следы преступления замечены, но проходят годы, и вдруг выясняется: кого-то забыли уничтожить, или тот, кто был уничтожен, успел до своей гибели что-то рассказать, или в каком-нибудь совершенно неожиданном месте обнаруживается записка — ключ к раскрытию тайны.

— Значит, ты не отрицаешь, что загадка может быть разгадана? — настаивал Билл.

— Не отрицаю. Но ведь это — дело случая. Бывает и

так: находки только запутывают дело. Чтобы историк мог сделать окончательный вывод, у него должны быть неопровержимые доказательства, а они так редко попадают к нему в руки. И еще учти: настоящий историк не имеет права подходить к проблеме с заранее сложившейся концепцией. Иначе он неминуемо, даже подсознательно, будет отбирать именно те факты, которые подкрепляют его концепцию. А история должна быть объективной. Помнишь, как Хемингуэй говорил о совести писателя? Она должна быть столь же неизменной, как метр-эталон в Париже. Это относится и к историкам.

— Я ничего не слышала о Хемингуэе и о совести писателя, — тихим ехидным голосом встала Джин, которая уже вернулась в свое кресло, — но то, что у вас у обоих совести нет никакой, это уж точно. У вас в гостях дама, а вам и в голову не приходит, что после тенниса и бассейна она умирает с голоду.

— Боже мой, Стив! — воскликнул Билл. — Да ведь нас с тобой линчевать мало за такое невнимание. Сейчас, Джин, минуточку.

— Ты права, как всегда, Джин, — спокойно отозвался Стив. — Красивые женщины всегда правы. Это их привилегия. Я тоже проголодался. Билл, ты, наверное, тоже щелкаешь зубами? Споры — тоже работа, а работа, как известно, возбуждает аппетит. Кухня к твоим услугам, Джин!

— И этот человек еще думает, что я когда-нибудь выйду за него замуж! — с деланным возмущением воскликнула Джин. — Тебе не жена нужна, а черная бессловесная рабыня, которая исполняла бы все прихоти белого повелителя. Нет, господин председатель, я заявляю протест!

— Адвокат Карри, ваш протест отклонен. Идите и готовьте обед.

— Вот из кого выйдет идеальный муж, — кивнула Джин в сторону кухни, где Билл уже хлопотал возле электрической плиты.

— Если это главное, — отпарировал Стив, — то, по-моему, проще нанять прислугу.

— Стив, это нечестно! — крикнул из кухни Билл. — У нас же с тобой джентльменское соглашение: не будем говорить при этой леди друг о друге гадости.

— Прости, дружище. Но боюсь, пока мы будем соблюдать наше соглашение, появится какой-нибудь нахал и уведет от нас это рыжее сокровище.

— Очень может быть, — кокетливо заявила Джин, отправляясь к Биллу на кухню. — А ты, Стив, занялся бы кок-

тейлями. Вот твое настоящее призвание,— мстительно добавила она, вспомнив о насмешках Стива.

— Я готов бросить историю, стать барменом, лишь бы угодить тебе,— усмехнулся Стив.

— И все станет на свое место: ты — бармен, Билл — историк, а я — писатель. Господи! — вздохнула Джин. — Как было бы в самом деле замечательно, если бы эта шифровка содержала сенсацию! Тогда Биллу — премия от какого-нибудь общества... А может быть, даже Нобелевская! Билл бросает свою химию, занимается историей, я пишу сенсационный роман. И мы — богаты! Так хочется быть богатой, ни в чем себе не отказывать!

— Все это прекрасно,— сухо заметил Стив. — Только почему в этой схеме нет меня?

— В самом деле, прости, Стив,— смутилась Джин.

2

Прошло недели две, и в квартире Чейза раздался телефонный звонок. Звонил Билл Саундрелл.

— Стив, приходи немедленно! И захвати по дороге Джин. Твой знакомый расшифровал эти записи. Я не хочу притрагиваться к ним без вас, хотя умираю от нетерпения.

Когда друзья собрались, Билл с некоторой даже торжественностью вскрыл конверт, в котором было несколько листов с напечатанным на машинке текстом.

— «Шифр, имеющийся на страницах 181, 183 и 185—211,— начал читать Билл,— можно определить как подставной шифр со скользящими вариациями...» Да ну его к черту, твоего приятеля, с его педантизмом! — взорвался Саундрелл.

— Нет, нет,— остановил его Чейз,— это профессионально и очень важно. Впоследствии может понадобиться.

— Ладно,— нехотя согласился Билл. — Читаю дальше. «Каждая буква записи подменяется другой буквой, причем система замены варьируется, чтобы затруднить расшифровку. Цифры обозначают окончания слов. Записи, расположенные на страницах 106—120 и продолжающиеся на страницах 126, 127 и 245, значительно проще. Карандашом представлены точки под нужными буквами журнального текста».

— Я тебя прошу,— взмолилась Джин Кэрри, — читай текст.

Билл отложил страницу с заключением криптографа и взял следующую:

«2 мая 1868 года.

За мной постоянно следят. Они профессионалы. Я не могу обмануть их. В новом Риме было три человека: Иуда, Брут и Шпион. Каждый планировал, что он станет королем, когда Авраам умрет. Ни один из них не доверял остальным, они держались друг за друга до последнего дня, в ожидании того момента, когда один из сыновей Брута с револьвером в руке подкрадется сзади к обреченному человеку, чтобы всадить ему пулю в голову и убрать его нескладный труп в сторону. Когда рухнувший человек лежал, умирая, пришел Иуда и отдал дань почтения тому, кого ненавидел. Когда он увидел, что человек умер, то сказал: «Теперь он принадлежит векам, а нация принадлежит мне». Но, увы, судьба сложилась так, что Иуда постепенно утратил свое могущество, и Брут занял то место, которое ему было положено. Если кто-нибудь будет интересоваться, кто же был Шпионом, я могу сказать вам: это был я.

Лафайетт Бейкер».

— Бог мой,— прошептала Джин,— здесь скрыта какая-то страшная тайна. Я не совсем понимаю, о чем тут написано.

— Ну, это как раз предельно ясно,— сказал Стив.— Мы, конечно, не можем сейчас с уверенностью утверждать подлинность данной записи. Не исключено, что ее сочинил какой-нибудь шутник или любитель мистификаций. Но речь в ней идет о заговоре и убийстве президента Линкольна.

— Стив, а кто такой был этот Лафайетт Бейкер? — спросила Джин.

— Начальник тайной полиции при администрации Линкольна. Личность весьма колоритная. Я тебе потом расскажу о нем подробнее... Читай дальше, Билл.

— «Это было десятого апреля шестьдесят пятого, когда я впервые узнал, что план приводится в действие. Эккерт осуществлял все контакты. Убийство должно было произойти четырнадцатого. Я не знал личности убийцы, но мне было известно все остальное от Э. С., к которому я обратился по этому поводу. Он изобразил одновременно удивление и недоверие. Позднее он сказал: «Вы тоже соучастник. Давайте подождем и посмотрим, что из этого получится, тогда нам легче будет действовать». Вскоре я понял, что означали слова «Вы тоже соучастник», когда на следующий день мне показали документ—фальшивку, но умную фальшивку, из которой следовало, что я стою во главе заговора с целью похищения президента, а вице-президент выступает в роли под-

стрекателя. Так я стал соучастником этого дела, хотя и не хотел.

Тринадцатого он узнал, что президент приказал разрешить законодательному собранию Виргинии собраться с целью прекращения военных действий войск этого штата против Союза. Это известие вызвало у него приступ безумия. Тогда я впервые осознал его психическую неуравновешенность и фанатичную ненависть к президенту. В военном министерстве мало уважают президента и его стратегию, но там не так много людей, которые решились бы отменить приказ президента. Однако он в минуту безумия послал телеграмму генералу Вейцелю, отменяющую приказ президента от двенадцатого числа. Потом рассмеялся так, что у меня мороз прошел по коже, и сказал: «Если он захочет узнать, кто отменил приказ, мы позволим Люциферу сказать ему это. Идите, Эккерт, и проследите за всеми приготовлениями. Тут не может быть ошибки». Так я впервые узнал, что он один из тех, кто возглавляет заговор с целью убийства. Я всегда думал, что он не доверяет мне, поскольку он вообще никому не доверял, или прикрывает кого-то до тех пор, пока ему не будет выгодно раскрыть карты. Но теперь я знаю правду, и это бесконечно меня пугает. Я боюсь, что могу оказаться козлом отпущения.

В числе участников заговора было по крайней мере одиннадцать армейских офицеров, три офицера флота и двадцать четыре гражданских лица, из которых один был губернатором лояльного штата, пятеро — банкиры с высокой репутацией, трое — известные всей стране журналисты и одиннадцать — промышленники с большим капиталом. Вероятно, их было больше, чем я знал.

Имена известных мне заговорщиков приведены без комментариев и пометок в первом томе данного издания. Восемьдесят пять тысяч долларов было внесено названными лицами, чтобы оплатить это дело. Только восемь человек знали детали заговора и имена остальных.

Я боюсь за свою жизнь. Л. Б.»

3

Несколько минут все трое молчали — потребовалось какое-то время, чтобы осознать смысл странной и страшной исповеди, полной таинственных и мрачных намеков, привыкнуть к этому голосу, который прозвучал со страниц старого журнала.

Первым пришел в себя Билл Саундрелл.

— Друзья! — ликующе воскликнул он. — Да ведь это сенсация века! Вы представляете, что начнется, когда мы опубликуем эти записи? Светопреставление. Я уже вижу заголовки в газетах: «Правда об убийстве Линкольна!», «Существовал заговор с целью убийства президента!».

— Я могу предсказать тебе и другие заголовки, если ты поспешишь опубликовать шифровку, — спокойно заметил Стив Чейз. — «Жульническая фальсификация историка-любителя!», «Где доказательства того, что эти записи действительно были сделаны Лафайеттом Бейкером?», «Если даже предположить, что это писал Бейкер, где гарантия, что он писал правду?». А сколько насмешек вызовет фраза, что имена заговорщиков приведены в первом томе, которым мы не располагаем! Так что успокойся, не суетись. Дело это серьезное и требует научного подхода.

— Наверное, ты прав, — сникнув, согласился Саундрелл. — Ты вечно прав, и в этом есть что-то удручающе скучное. А честь великих открытий всегда принадлежит романтикам, которые верят в невозможное. Я просто чувствую: это написал Бейкер; заговор существовал! И не пожалею ни сил своих, ни времени, чтобы доказать подлинность этих записей.

— А я ведь не утверждаю, что это фальшивка, — отпарировал Чейз, — так же, как не могу сказать — пока, во всяком случае, — что записи подлинные. Просто хочу, чтобы ты понял, насколько это серьезное и ответственное дело. Более того, я готов предложить свою помощь. Да и Джин, наверное, не откажется.

— Конечно, — поспешно согласилась Джин: разговор шел как-то мимо нее, а она, как всякая женщина, любила быть в центре внимания. — Только, мальчики, я толком не поняла намеки Бейкера. Кто он был, этот Лафайетт Бейкер?

Чейз никогда персоной Бейкера специально не занимался, его познания в данном случае были самые общие и поверхностные, и тем не менее сведения, которые он сообщил, оказались довольно любопытными.

Лафайетт Бейкер был типичным авантюристом. Его карьера началась, когда вспыхнула война между Севером и Югом. Он был разведчиком северян на территории Конфедерации, потом полковником в кавалерийском полку и, наконец, связал свою судьбу с тайной полицией. Тут он, правда, слегка поскользнулся — обвинил одного молодого офицера в контрабандном провозе спиртных напитков, а тот сумел доказать, что это чистая клевета, и Бейкеру пришлось на время ретироваться.